

Применение высокоточного оружия и международное гуманитарное право

Михель Шмитт

Михель Шмитт – профессор международного права в Европейском центре исследований по вопросам безопасности имени Джорджа К. Маршалла, Гармиш-Партенкирхен, Германия.

Краткое содержание

В данной статье рассматривается соответствие приемов и способов применения высокоточного оружия положениям международного гуманитарного права. В начале статьи говорится о сущности высокоточного оружия, технологиях его применения в боевой обстановке, а также дается характеристика процесса его наведения на цель. Наиболее тесная связь применения высокоточного оружия с международным гуманитарным правом в наши дни просматривается в четырех аспектах: неизбирательность ударов; соблюдение принципа соразмерности; соблюдение мер предосторожности при нападениях; недопущение вероломства и нарушения статуса объектов, находящихся под защитой МГП. В заключение статьи автор отмечает, что война с применением высокоточного оружия оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на толкование и применение норм международного гуманитарного права на полях сражений XXI века.

Высокоточные технологии часто считают универсальным средством в современных военных действиях. При тех военных технологиях, которыми располагают сегодня высокотехнологичные вооруженные силы, иногда кажется, что побочный ущерб для гражданских объектов и случайные ранения гражданских лиц – следствие того, что нападавший не принял «меры предосторожности» при нападении, которых требует международное гуманитарное право (МГП)¹. Разве не должно быть, по меньшей мере, опровержимой презумпции о том, что такой ущерб и такие ранения вызваны недостаточностью мер предосторожности, – презумпции, бремя опровержения которой возлагалась бы на нападающего?

Хотя право еще к этому не пришло, некоторые аналитики боевых действий формально и неформально продвигаются в таком направлении. Отчасти по иронии судьбы эта тенденция поддерживалась стараниями военных убедить национальную и международную общественность в том, что они ведут войну весьма «избирательно»². Когда по каналу Си-Эн-Эн показывают управляемую ракету над городской улицей, то потери среди гражданских лиц, о которых нам сообщают, трудно принять в качестве неизбежных последствий законного нападения.

В данной статье исследуются реальность и мифы высокоточных операций XXI века и их нормативное значение³. Что такое высокоточные технологии? Какие положения международного гуманитарного права распространяются на действия с применением высокоточного оружия? Как может усовершенствование высокоточных технологий сказаться на природе вооруженного конфликта, и каким образом такие изменения могут повлиять на применение и толкование положений международного гуманитарного права воюющими сторонами? Надеемся, что данная статья прояснит некоторые из наиболее распространенных ошибочных представлений о высокоточных системах оружия, определив как позитивные, так и негативные аспекты точечной войны, заслуживающие дальнейшего изучения.

- 1 В частности, положения статьи 57 Дополнительного протокола I от 12 декабря 1977 г. (далее – ДП I) к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов. На русском языке см. *Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним*, Москва, МККК, декабрь 2005 г. О мерах предосторожности в ходе нападения см. ниже.
- 2 См. на эту тему Michael N. Schmitt «The conduct of hostilities during Operation Iraqi Freedom: An international humanitarian law assessment», *Yearbook of International Humanitarian Law* (forthcoming), and the Human Rights Watch response thereto.
- 3 Особое внимание уделяется ситуации воздушной войны, в которой высокоточные удары используются наиболее активно.

Высокоточная война

Точность часто неверно определяют как способность оружия наносить удар по определенной точке, на которую оно нацелено (ее называют «точкой прицеливания»)⁴. На самом деле эту способность правильнее называть меткостью. Она измеряется круговым вероятным отклонением – радиусом круга, в который попадет половина всех боеприпасов⁵.

Меткость – ключевой элемент точности, но эти термины не являются синонимами. Точность скорее означает «способность формирования, применяющих высокоточное оружие, на протяжении боевых действий определять местонахождение целей, вести за ними наблюдение, распознавать и отслеживать их, выбирать, организовывать и применять нужные системы, добиваться желаемого эффекта, оценивать результаты и при необходимости наносить повторные удары, вступать в бой с решающей скоростью и превосходящим оперативным темпом»⁶. Этот термин включает в себя способность определить цель и ее координаты, своевременно нанести по ней меткий удар и определить – достигнуты ли желаемые результаты или необходим повторный удар.

Поэтому для нанесения ударов высокоточным оружием требуется нечто большее, чем меткие системы оружия⁷. Например, жесткое руководство, контроль, связь, компьютеры, разведка, наблюдение и рекогносцировка (информационно-поисковые системы С4) могут в той же мере определять успех, что и используемое оружие⁸. Примеры, под-

- 4 «Конкретная точка, связанная с целью и предназначенная для удара конкретным оружием для достижения необходимой цели и степени разрушения. Может определяться описательно (например, «выходное отверстие в центре крыши») или с помощью системы географических координат». Joint Chiefs of Staff, «Joint doctrine for targeting», Joint Publication 3–60, 17 January 2002, at GL-4.
- 5 Или половина всех снарядов, которые содержатся в одной единице оружия, например, авиационных бомбовых кассет.
- 6 Joint Chiefs of Staff, Joint Vision 2020, June 2000, имеется на сайте www.dtic.mil/futurejoint-warfare/ (последнее посещение 22 августа 2005 г.).
- 7 Система оружия – это «комбинация одного или более видов оружия со всеми соответствующими материалами, техникой, службами, персоналом и средствами доставки и развертывания (если необходимо), требующимися для обеспечения ее автономного функционирования». Говоря о точности, целесообразнее рассуждать в рамках систем оружия, поскольку меткость оружия при конкретном нападении может в такой же степени зависеть как от характеристик платформы, с которой оно запущено, так и от технических параметров самого оружия.
- 8 Разведка – это «результат сбора, обработки, сведения воедино, анализа, оценки и толкования имеющихся сведений о других государствах или районах». Наблюдение – «*систематическое обозрение* воздушного пространства, земной поверхности или подземных районов, мест, лиц или объектов, с помощью визуальных, слуховых, электронных, фотографических и иных средств». Рекогносцировка – это «*действие*, предпринятое с целью получить с помощью визуального наблюдения или других методов обнаружения сведения о деятельности и ресурсах противника или потенциального противника, либо завладеть данными, касающимися метеорологических, гидрографических или географических характеристик конкретного района». Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms, Joint Publication 1-02, as amended through 9 May 2005. Имеется на сайте www.dtic.mil/doctrine/jel/doddict/ (далее – DoD Dictionary, последнее посещение 22 августа 2005 г.).

тверждающие эту реальность, – провал кампании «Свобода Ирака» по «обезглавливанию иракского режима» и два ошибочных нападения на склад МККК во время операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане⁹. Оружие было направлено очень точно. Но неоднократные попытки уничтожить членов иракского руководства провалились из-за ненадежности («временности») разведданных, а неверное определение целей и впоследствии плохая связь в коалиционных силах привели к случайным бомбардировкам помещений МККК.

Высокоточные технологии различных вооруженных сил сильно отличаются друг от друга. Их можно разделить на две категории. Некоторые технологии предусматривают большую прозрачность пространства над районом боевых действий, что повышает способность высокоточных средств обнаруживать, идентифицировать и поражать потенциальную цель, а также оценивать результаты выполнения боевой задачи. Другие облегчают само применение высокоточного оружия, позволяя нападающему проникнуть в оборону противника или нейтрализовать ее, усиливая руководство и контроль, а также улучшая точность и такие характеристики оружия, как пробивная способность. Хотя в рамках небольшого исследования невозможно описать многочисленные системы, предназначенные для нанесения высокоточных ударов в современной войне, полезно рассказать о некоторых из них.

Что касается первой категории, то объединенная система радиолокационного наблюдения и целеуказания ударными средствами E-8C JSTARS доказала свою особую ценность при применении против наземных целей. JSTARS – воздушное судно, предназначенное для управления ударными средствами, командования, контроля над боем, разведки, наблюдения и рекогносцировки, – снабжает командиров наземных и воздушных сил данными для нанесения ударов по наземным силам противника. Его радиолокаторы могут наблюдать территорию в 50 тысяч квадратных километров и обнаруживать потенциальные цели на расстоянии до 250 километров.

Аналогом JSTARS является система RC135 V/W Rivet Joint, которая осуществляет мониторинг всего электронного спектра. Эта система оснащена средствами электронной и коммуникационной разведки, позволяющими практически в реальном времени обнаруживать, иден-

9 Кампания «по обезглавливанию иракского режима» подробно описана в материалах Human Rights Watch, *Off Target: The Conduct of the War and Civilian Casualties in Iraq*, December 2003, at pp. 78–79, имеется на сайте www.hrw.org/reports/2003/usa1203/ (последнее посещение 22 августа 2005 г.). Относительно ударов по помещениям МККК см. Sean D. Murphy, «Contemporary practice of the United States relating to international law», *American Journal of International Law*, Vol. 96, 2002, p. 247.

тифицировать и определять географические координаты электромагнитных сигналов (например, переговоры командования). Данные, получаемые этой системой, быстро передаются пользователям, которые могут сразу навести оружие на источник сигналов.

Беспилотные авиационные системы (UAV) привлекли пристальное внимание во время недавних конфликтов. Система RQ-1 Predator («Предатор») осуществляет наблюдение, рекогносцировку и обнаружение цели с помощью телевизионной камеры, инфракрасной камеры и радиолокатора синтетической апертуры (для слежения сквозь дым, облака или туман). Некоторые модели «Предатора» (MQ-1) оснащены ракетами «Хелфаер», позволяющими наносить удар по определяемым системой целям. Например, в 2002 г. ФБР применило «Предатор» для нанесения удара по автомобилю, в котором ехал Каед Сеньян аль-Харти, руководитель «Аль-Каиды» в Йемене¹⁰. Второй тип UAV – Global Hawk – действует на большой высоте, что повышает его неуязвимость и увеличивает дальность действия. На этом самолете имеются радиолокатор синтетической апертуры, индикатор движущихся наземных целей, а также электрооптические и инфракрасные датчики с высокой разрешающей способностью. Global Hawk может перемещаться в заданный район на расстояние более 1800 километров и оставаться в боевой готовности в течение 24 часов.

Наиболее значительные достижения в будущем ожидаются в сфере отслеживания целей. Действительно, Агентство передовых исследовательских проектов в области обороны (DARPA) – государственная организация США, которая занимается развитием будущих военных технологий, – определила «обнаружение, определение точности удара, отслеживание и уничтожение труднодоступных наземных целей» как одно из восьми «стратегических направлений» (зон повышенного внимания)¹¹. Типичный проект в рамках подобных исследований включает в себя повышение связности отдельных датчиков с целью максимально использовать уникальные преимущества каждого из них. DARPA приводит в качестве примера применение «Предатором» видеоаппаратуры для отслеживания автомобиля, скрывшегося в джунглях. Система должна автоматически переключаться на радиолокатор, который может наблюдать за автомобилем сквозь листву. Затем датчики 3D LADAR, осуществляющие обнаружение объекта и слежение за ним с помощью лазера, составляют подробное трехмерное изображение объекта – его можно сравнить с компьютеризированными геометрическими моделя-

10 Anthony Dworkin, «The Yemen strike», 14 November 2002, имеется на сайте www.crimelibrary.com/news/news-yemen.html (последнее посещение 22 августа 2005 г.).

11 Defense Advanced Research Project Agency, *Bridging the Gap*, February 2005, ch. 3.

ми систем оружия – чтобы гарантировать, что цель действительно соответствует тому, как она выглядит. DARPA работает над рядом других проектов в данной области, начиная с наземных и воздушных сейсмических, акустических, электромагнитных, оптических и химических датчиков, которые могут определять местонахождение подземных объектов и картировать их, и заканчивая «космическими телескопами» для поиска и нейтрализации малых объектов в космосе.

DARPA уделяет меньше внимания развитию технологий, связанных с самим нанесением высокоточных ударов. Основная причина этого такова: современные системы, принимаемые на вооружение высокотехнологичными силами, являются меткими и устойчивыми, что показали такие недавние операции, как «Свобода Ирака»¹². При этом благодаря усилиям DARPA в области установления связей безусловно повысится эффективность нынешних систем, поскольку будут улучшены управление и контроль, облегчена координация действий нападающих и активная связь между датчиками и огневыми средствами.

Две технологии, которые уже используются в боевых действиях, оказали (и продолжают оказывать) решающее воздействие на эффективность применения высокоточного оружия. Первая – это технология малой заметности «стелс», в частности системы US F-117 Nighthawk и B-2 Spirit¹³. Бомбардировщики, созданные без применения технологии «стелс», обычно требуют прикрытия при проникновении в воздушное пространство противника: сопровождения истребителями класса «воздух–воздух» – для защиты от перехватчиков, подавления обороны противника, поражение его ракет «земля–воздух» и зенитной артиллерии, сопровождение самолетами радиоэлектронных помех – для блокирования электромагнитных средств противника. Самолеты типа «стелс», напротив, достигают цели самостоятельно и не обнаруживаются, что позволяет им устанавливать местонахождение цели и наносить удары управляемым оружием в относительно благоприятных условиях. Это значительно повышает точность ударов.

Еще большее значение имеют самонаводящиеся бомбы класса JDAM (Joint Direct Attack Munition). Принцип действия этого оружия очень прост. К уже существующим неуправляемым авиабомбам сво-

12 В самом деле, ни одно из восьми стратегических направлений, выделенных DARPA, не касается именно этой возможности.

13 Оружие и системы оружия описаны на ряде сайтов в Интернете. В частности, см. сайт Военно-воздушных сил США <<http://www.af.mil/factsheets/>> (последнее посещение 22 августа 2005 г.). См. также сайт кампании за глобальную безопасность (Global Security) <http://www.globalsecurity.org/military/systems/index.html> (последнее посещение 22 августа 2005 г.) и сайт Федерации американских ученых <http://www.fas.org/main/home.jsp> (последнее посещение 22 августа 2005 г.).

бодного падения подсоединяются хвостовые комплекты управления, и они превращаются в управляемые. С помощью имеющейся в хвостовом комплекте глобальной (спутниковой) системы позиционирования и управления системой инерционной навигации, эти бомбы, по незасекреченным данным, могут достигать кругового вероятного отклонения приблизительно в 6 м с расстояния более чем 27 километров (следующие модели будут более точными).

Хотя другие системы, особенно системы лазерного управления, могут быть более точными, авиабомбы класса JDAM примечательны в двух отношениях. Во-первых, они дешево стоят – приблизительно 20 тысяч долларов США каждая. Во-вторых, большинство летательных аппаратов можно модифицировать для нанесения удара бомбами JDAM. В таком случае неудивительно, что эти боеприпасы все активнее задействуются в бою¹⁴. Наличие облегченного варианта позволит сбрасывать большое количество боеприпасов при каждом вылете. Благодаря невысокой стоимости и разнообразию JDAM высокоточное оружие станет доступно многим вооруженным силам.

Помимо технологий, на уровень достижимой точности влияют многочисленные факторы. Один из них – это среда, в которой осуществляется нанесение ударов. Многие системы вооружений недоставляемы к цели либо менее эффективны в ночное время или в плохую погоду. Особенности местности, где находится цель, также могут снижать точность. Например, дым затрудняет визуальную идентификацию объекта, а пожар способен помешать применению инфракрасного оборудования. Плотная оборона на маршрутах движения к цели и от цели, а также в районе нанесения удара, может отвлечь нападающего или вызвать неустойчивость средства доставки оружия при выполнении оборонительных маневров. Наконец, в силу характера конфликта безошибочно идентифицировать противника сложно. Операция «Свобода Ирака», в которой иракские военнослужащие надевали гражданскую одежду и использовали гражданских лиц в качестве прикрытия, а военные базы размещали на гражданских объектах, является характерным в этом смысле примером ведения современных вооруженных конфликтов.

14 Во время операции «Свобода Ирака» силы США сбросили 5 086 управляемых бомб JDAM 31 (вес снаряда приблизительно 900 кг), 768 управляемых бомб JDAM 32 (около 450 кг) и 675 управляемых бомб JDAM 35 (450 кг). Разработан вариант бомбы в 225 кг, который используется в системах F-16 Falcon и F-15 Eagle. Эти цифры содержатся в материалах Отдела оценок и анализа Центрального командования военно-воздушных сил США, *Operation Iraqi Freedom: By the Numbers*, 30 April 2003, p. 11, имеется на сайте www.globalsecurity.org/military/library/report/2003/uscentaf_oil_report_30apr2003.pdf (последнее посещение 22 августа 2005 г.)

Как и тактика противоборствующей стороны, тактика нападающего связана с использованием высокоточного оружия. Нанесение ударов с воздуха стало излюбленной темой для критиков кампании НАТО по бомбардировкам бывшей Федеративной Республики Югославия. Хотя основная часть критических замечаний свидетельствовала о незнании современного оружия, высота и дальность запуска все же влияют на меткость удара. Например, чем больше высота и чем больше расстояние до цели, тем ниже точность неуправляемого оружия. При этом точность управляемого оружия часто повышается, поскольку у него имеется больше времени для наведения на цель. Подобной же критике подвергались удары оружием «за пределами видимости». При таких ударах отсутствуют все преимущества, которые дает возможность видеть цель («визуальная идентификация»), но точность повышается за счет того, что оружие сбрасывают в обстановке меньшей угрозы. На точность могут влиять даже правила применения силы (ППС)¹⁵. Например, правила применения силы могут требовать «точной идентификации» перед нанесением удара по цели или оговаривать применение определенных систем вооружения против конкретных целей, например, находящихся в городской черте¹⁶.

Главное воздействие на высокоточные операции оказывает тип прицеливания¹⁷. Цели могут быть «запланированными» или «внезапными». О запланированных целях известно, что они существуют в районе проведения операций, и нанесение высокоточных ударов по ним производится в соответствии с приказом о проведении военно-воздушных операций (АТО), частным боевым приказом или планом огневого обеспечения¹⁸. Они могут быть либо «плановыми», либо «по сигналу». Первые – это цели, по которым следует наносить удары в определенное время согласно составленному плану. О вторых же известно, что они су-

15 В Соединенных Штатах правила применения силы определяются как «директивы, издаваемые компетентным военным командованием, определяющие обстоятельства и ограничения, в рамках которых войска Соединенных Штатов будут начинать и продолжать боевые действия против неприятельских сил». DoD Dictionary, *op. cit.* (примечание 8). ППС основаны на политических, правовых и оперативных соображениях.

16 Например, в карточке ППС командиров сухопутных частей и подразделений объединенных сил в Ираке говорилось: «Применение силы должно осуществляться только после точной идентификации. Точная идентификация означает обоснованную уверенность в том, что заданная цель является законной военной целью. Если точной идентификации нет, обратитесь за указаниями к вышестоящему командиру». *Operational Law Handbook*, US Army Judge Advocate General's Legal Center and School, Vol. 101, 2004.

17 См. «Joint doctrine for targeting» *op. cit.*, ch. 1.

18 АТО определяется также как «метод, используемый для уведомления подчиненных частей и подразделений, а также некоторых органов командования и управления, и для постановки им в качестве боевой задачи планируемых вылетов, возможностей и сил для поражения целей и выполнения конкретных боевых задач. Обычно АТО содержит как конкретные инструкции, включающие позывные, сигналы, цели, органы управления и т.д., так и инструк-

ществуют, но они включаются в приказ о проведении военно-воздушной операции только в связи с возникающими ситуациями.

Внезапные цели не определяются (или не выбираются для нападения) так скоро, чтобы включить их в нормальный процесс определения целей. Такие цели являются либо «незапланированными», либо «непредвиденными». Незапланированные внезапные цели известны, но их не обнаружили, не определили их местонахождение и не выбрали для поражения достаточно рано, чтобы включить их в цикл определения целей. Непредвиденные внезапные цели – это те, о которых нападающему было неизвестно, но после их обнаружения по ним наносятся высокоточные удары, поскольку их уничтожение, нанесение им ущерба или их нейтрализация способствует выполнению задач операции.

Цели в рамках любой из этих четырех категорий могут быть «зависимы от времени». Они требуют немедленного поражения, «потому что они представляют (или вскоре будут представлять) опасность для своих войск или являются весьма выгодными, перспективными и легко теряемыми целями». Некоторые цели «легко теряемы», потому что они мобильны (как в случае с иракским руководством), или потому, что противник для их сокрытия может задействовать технику камуфляжа, маскировки и введения в заблуждения.



Рисунок 1: категории целей¹⁹

ции общего характера». Частный боевой приказ – это директива «для боевой части или подразделения по выполнению боевой задачи без уточнений о том, каким образом ее выполнять». Огневое обеспечение состоит из «непосредственной огневой поддержки сухопутных, морских, десантных и специальных операций при ведении боевых действий против сил, боевых частей, подразделений и техники противника, направленных на достижение оперативно-тактических задач». DoD Dictionary, *op. cit.* (примечание 8).

19 «Joint doctrine for targeting.» *op. cit.* (примечание 4), Figure 1-2.

Возможность осуществить высокоточное поражение конкретной цели всегда определяется ситуацией. Однако, как правило, запланированные цели более благоприятны для высокоточных ударов, чем незапланированные. В рамках этих категорий плановые и незапланированные цели предпочтительнее, соответственно, целям «по сигналу» и непредвиденным целям. Очевидно, что чем больше поражение цели зависит от времени, тем меньше возможность оценить цель или запланировать ее поражение, и меньше доступных вариантов нападения (систем, тактики и т.д.).

Чтобы вывести из строя объекты противника с помощью нанесения высокоточных ударов по ним, все большее число вооруженных сил принимают процедуры и доктрины наведения на цель на основе оценки эффективности²⁰. Определение целей на основе оценки эффективности, ставшее возможным благодаря таким высокоточным технологиям, как совершенная разведка, наблюдение и рекогносцировка, меткое оружие и малая заметность, позволяет выводить из строя те компоненты систем противника, поражение которых наиболее эффективно с точки зрения выполнения задач операции²¹. Рассмотрим, например, неправомерное использование противником объекта средств массовой информации с целью руководства боевыми действиями. В данном случае желаемый эффект применения высокоточного оружия – нейтрализация незаконных передач, а не уничтожение объекта. Поэтому более эффективным решением может быть временное прерывание работы станции, – к примеру, путем сброса угольных нитей накала на снабжающие ее линии электропередачи, – а не бомбардировка самого объекта, особенно если командование нападающей стороны намерено использовать его в своих собственных целях в период реконструкции после конфликта. Поэтому в операциях, проводимых с учетом эффективности, точность в какой-то степени дает воз-

20 Об операциях на основе эффективности см. Brigadier General David A. Deptula, *Effects-based Operations: Change in the Nature of War*, Aerospace Education Foundation 2001; Department of Defense, «Effects-based Operations briefing», 19 March 2003 (далее – EBO Brief), имеется на сайте www.defenselink.mil/news/Mar2003/g030318-D-9085.html (последнее посещение 22 августа 2005 г.). По операциям на основе эффективности и праву см. Michael N. Schmitt, «Aerial effects-based operations and the law of armed conflict» – доклад на конференции, посвященной выпуску британского издания *Manual of the Law of Armed Conflict*, Oxford University, Oxford, July 2004. Подборка вышеупомянутых статей будет издана Стивеном Хайенсом и опубликована издательством Oxford University Press в 2005 г.

21 Операции на основе эффективности определяются как «действия, предпринимаемые против систем противника, направленные на конкретные результаты, которые непосредственно способствуют достижению поставленных военных и политических целей». US Air Force, «Air Force basic doctrine,» Air Force Doctrine Document 1, 17 November, 2003, p. 98.

возможность понять систему противника и провести эффективные и меткие нападения на ее основные компоненты²².

Наконец, точность зависит в основном от эффективности процесса подготовки высокоточных средств к применению.



Этот процесс, состоящий из шести этапов, начинается с того, что командир определяет и ставит задачи, издает соответствующие приказы и директивы для своих сил. Затем можно начинать разведку целей. На этом этапе изучаются военная, политическая и экономическая системы противника, его части и подразделения и их взаимное расположение. Анализируется значение потенциальных целей для определения относительной необходимости поразить их, а также учитываются факторы международного гуманитарного права и правила применения силы.

На этапе расчета применения боевых средств происходит предварительный выбор оружия с учетом таких факторов, как доступность

22 Эффекты могут быть прямыми (результат обозначения первого порядка, например, разрушение вследствие взрыва) или косвенными (результаты второго порядка и далее, например, негативное воздействие на боевой дух противника). Как прямые, так и косвенные эффекты могут быть кумулятивными или действовать наподобие каскада. Кумулятивные эффекты со временем накапливаются. Например, чем дольше длится нападение на неприятеля, тем значительнее падает его боевой дух. Эффекты же, действующие наподобие каскада, – это косвенные эффекты, которые волнообразно воздействуют на системы противника, подвергаемые нападению, обычно от высшего до нижнего звена командования. Например, нейтрализация объекта, где находятся органы управления и командования, может внести смятение в подчиненные части и подразделения.

23 «Joint doctrine for targeting.» *op. cit.* (примечание 4), Figure C-3.

и желательный вероятный ущерб (Pd)²⁴, оружие, которое, вероятно, будет применяться по мере продолжения конфликта, возможные случайные поражения и побочный ущерб. Затем следует наведение боевых средств, в ходе которого элементы системы оружия (пусковая установка и др. оружие) наводятся на конкретные цели.

Эти четыре этапа составляют основу для планирования выполнения операции, то есть разработки боевой задачи по нанесению удара. Ответственные за планирование боевой задачи дают оценку того, как цель будет идентифицироваться во время нападения, определяют точное местонахождение цели и принимают решение по тактике нападения. После нападения проводится оценка эффективности проведенного удара, с тем чтобы определить, есть ли необходимость повторного его нанесения.

Благодаря усовершенствованию технологий, развитию взглядов на приемы и способы применения оружия, процесс подготовки ударов становится все более эффективным. Неудивительно, что вследствие этого к высокоточным нападениям прибегают все чаще. Во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г. высокоточная техника использовалась всего при 8,8% нападений²⁵. Ко времени проведения операции «Объединенная сила» в 1999 г. этот показатель вырос приблизительно до одной трети всех сброшенных боеприпасов²⁶. Два года спустя во время операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане эта цифра составляла 65%, а в 2003 г. в ходе операции «Свобода Ирака» немного возросла – до 68%²⁷.

Все более широкое распространение применения высокоточного оружия в современных вооруженных конфликтах имеет ряд последствий для ведения военных действий. Некоторые из них связаны непосредственно с толкованием и применением принципов международного гуманитарного права. Прежде всего, чем точнее удар, тем вероятнее попадание в нужную цель. Кроме этого, повышение меткости позволяет использовать меньший заряд для достижения желаемого вероятного

24 «Понятие «вероятный ущерб» (Pd) используется для обозначения статистической вероятности (процентной или десятичной) того, что при возможном соприкосновении с целью может быть достигнута определенная степень ущерба». United States Air Force, «Intelligence targeting guide», AF Pamphlet 14-210, 1 February 1998, pp. 59–60.

25 William M. Arkin *et al.*, *On Impact: Modern Warfare and the Environment, a Case Study of the Gulf War*, Greenpeace, June 1991, p. 78. Аспекты военной кампании в Косово, связанные с нападениями высокой точности, прекрасно изложены в материалах «Department of Defense, Report to Congress, «Kosovo/Operation Allied Force after-action report», 31 January 2000.

26 NATO, «Kosovo one year on», 30 October 2000, имеется на сайте www.nato.int/kosovo/repo2000/conduct.htm (последнее посещение 22 августа 2005 г.); Herman L. Gilster, *Desert Storm: War, Time, and Substitution Revisited*, *Airpower*, spring 1996, p. 8; Michael Kelley, «The American way of war», *Atlantic Monthly*, June 2002, p. 16.

27 *By the Numbers*, *op. cit.* (примечание 14).

ущерба, снижая тем самым возможный побочный ущерб и случайное поражение. Точность снижает также необходимость повторных ударов по цели (и, соответственно, вероятность нанесения ущерба гражданским лицам и объектам). В то же время более высокая точность позволяет наносить удары по целям, которые ранее были запретными из-за вероятности излишних случайных поражений и побочного ущерба. Это особенно касается городских объектов и объектов двойного использования²⁸. Поскольку подобные удары редко обходятся без побочного ущерба и случайного поражения, назначение дополнительных целей для нападения увеличит потенциальный риск нанести ущерб гражданскому населению.

С другой стороны, если акцент ставится на достижение результатов, а не на простое изнурение противника, то снижается число целей, по которым наносится удар, а значит, и число ситуаций, вызывающих побочный ущерб или случайное поражение. Поскольку уменьшается число операций, направленных на достижение желаемого результата, то высвобождается больше пусковых установок для нанесения удара по другим целям. Таким образом, военно-воздушная операция может быть выполнена быстрее и поражение противника теоретически последует быстрее, что является позитивным результатом с точки зрения благополучия гражданского населения.

И, наконец, при возрастании точности повышается уязвимость противника. Силы противника неизбежно будут искать методы и средства ведения войны, которые способны снизить уязвимость. Как уже говорилось, некоторые из этих «ответных» мер идут вразрез с принципами международного гуманитарного права.

Гуманитарное право и высокоточная война

Высокоточная война пересекается (или потенциально может взаимодействовать) с международным гуманитарным правом в четырех основных сферах: запрещение неизбирательных нападений, принцип соразмерности, требование о принятии мер предосторожности в ходе нападения, а также вероломство и другие злоупотребления статусом, предоставляющим покровительство. Временами точность расширяет возможности выполнения норм международного гуманитарного права; с другой стороны, она может и подталкивать к отступлениям при их толковании или к их нарушению.

28 Цель двойного использования – это объект, используемый и в гражданских, и в военных целях, например, завод, где изготавливается как гражданская, так и военная продукция, или аэродром, с которого вылетают как гражданские, так и военные самолеты.

Неизбирательное нападение

Явным образом выраженный запрет на неизбирательные нападения содержится в статье 51, пункт 4 Дополнительного протокола I: «К нападениям неизбирательного характера относятся:

- а) нападения, которые не направлены на конкретные военные объекты;
- б) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты; или
- с) нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены, как это требуется в соответствии с настоящим Протоколом, и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия».

Таким образом, согласно подпункту (а), международное гуманитарное право запрещает неизбирательное применение оружия, а подпункты (б) и (с) запрещают неизбирательные виды оружия. Обычное международное гуманитарное право, безусловно, содержит аналогичные запреты²⁹.

Согласно подпункту (а), нападающий должен целиться в военный объект. Иными словами, он не имеет права наносить удар по району, где находятся как военные цели, так и гражданские объекты, – независимо от того, куда этот удар придется. Классический случай – удары иракских ракет SCUD по густонаселенным районам Израиля во время войны в Персидском заливе 1991 г. Хотя в этих районах и находились военные цели, иракцы не пытались наносить удар именно по ним³⁰.

Теоретически такое нарушение отличается от прямого нападения на гражданских лиц или гражданские объекты в нарушение статей 48, 51, пункт 2, и 52, пункт 1 Дополнительного протокола I и норм обычного международного гуманитарного права³¹. Здесь необходимая вина состоит не в намерении причинить ущерб гражданским лицам, но в непринятии во внимание этих последствий вследствие неосторожности³². Однако на практике эти два запрета часто сливаются. На-

29 См., например, Jean-Marie Henckaerts and Louise Doswald-Beck, *Customary International Humanitarian Law* (далее – *CIHL*), Cambridge University Press, Cambridge, 2005, chapters 3 & 20.

30 В их намерения входило не нанести удар по Израилю, а скорее вовлечь Израиль в конфликт и тем самым разбить коалицию, в которую входил ряд арабских государств.

31 См. ниже.

32 Yoram Dinstein, *The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, 2004, 2004, p. 117.

пример, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии (Судебная палата) установил в *деле Галича*, что «нападения, поражающие гражданских лиц или гражданские объекты без различия, могут квалифицироваться как прямые нападения на гражданских лиц»³³. Позиция Статута Международного Уголовного Суда в отношении уголовной ответственности является последовательной. Статья 30 устанавливает, что в отношении последствия деяния намеренность и сознательность понимаются как сознание того, что последствие «наступит при обычном ходе событий»³⁴.

Точность не только имеет очевидную связь с запретом на неизбирательное применение избирательного оружия. В частности, чем больше возможности нападающего в плане точности, тем больше имеется оснований для того, чтобы назвать неосторожным нападение, поражающее гражданских лиц или гражданские объекты. Например, в населенном пункте имеется военная цель. Сложно допустить, что оружие, при применении которого круговое вероятное отклонение имеет очень малый радиус, было направлено неизбирательно, если нет дополнительных доказательств нарушения, допущенного вследствие неосторожности. Скорее вопрос рассматривался бы с точки зрения соразмерности (см. ниже). С другой стороны, если удар оружием нанесен далеко за пределами кругового вероятного отклонения, то имеются основания изначально вывести заключение, что нападение не было направлено на военную цель, о которой идет речь. Таким образом, тем, кто применяет высокоточное оружие, фактически сложнее оградить себя от обвинений в неизбирательном нападении, чем тем, кто его не применяет. Аналогичным образом при наличии передовой информационно-поисковой системы трудно будет доказать окружающим, что удар по гражданским лицам и объектам нанесен в результате неверной идентификации, а не неизбирательного действия, совершенного по неосторожности или намеренно.

Критика последних военно-воздушных кампаний подтверждает этот феномен. Например, применение кассетных бомб неподалеку от

33 ICTY, *Prosecutor v. Stanislav Galic*, Case No. IT-98-29-T, (Trial Chamber), 5 December, 2003, para. 57. Аналогичным образом группа авторов Итогового доклада МУТЮ Обвинителю о кампании НАТО по бомбардировкам Югославии, призывая воздерживаться от обвинительных актов, упоминала неосторожность как применявшийся стандарт: «Final Report to the Prosecutor by the Committee established to review the NATO bombing campaign against the Federal Republic of Yugoslavia,» 13 June 2000, reprinted in *International Legal Materials*, Vol. 39, 2000, p. 1258.

34 Статут Международного уголовного суда (Римский статут), 17 июля 1998 г., статья 30. Цитируется по: Международный уголовный суд. Казань. Центр инновационных технологий, 2004.

населенных пунктов регулярно осуждают как неосторожное (равно как и неизбирательное по своей сущности). Аналогичным образом во время операции «Объединенная сила» («Allied Force») в ряде случаев звучали обвинения в неосторожности либо в выполнении операции (например, использование ненадежных данных), либо в тактике (например, при нападении с большой высоты)³⁵. Обвинения в неосторожности возникли вновь в ходе операции «Свобода Ирака», в частности в отношении «кампании по обезглавливанию иракского режима» и применения артиллерии в населенных пунктах³⁶. Такие инциденты сильно отличаются от неизбирательных по определению нападений ракет SCUD во время войны в Персидском заливе 1990–1991 гг.

Второй вид неизбирательных нападений, упоминаемый в статье 51, пункт 4, – применение неизбирательного оружия. В 1996 г. Международный суд назвал запрет на такое оружие «кардинальным»³⁷. Неизбирательное оружие либо не может быть надежно направлено на военную цель (как в случае с германскими ракетами V2 – буква V означает «Vergeltung» – «возмездие» – времен Второй мировой войны)³⁸, либо вызывать неконтролируемые последствия (например, биологическое оружие, содержащее инфекцию, которая неконтролируемо распространяется от комбатантов к гражданским лицам). Точность имеет непосредственное отношение к первой категории, поскольку возможности оружия в области прицеливания в достаточной степени зависят от состояния военной технологии.

Рассмотрим воздушные бомбардировки времен Второй мировой войны. Бомбы, сброшенные самолетами B-17, имели круговое вероятное отклонение приблизительно в 990 м. Чтобы достичь высокой вероятности поражения точечной цели, требовалось сбросить порядка 9 тысяч бомб, совершив около 1 500 вылетов³⁹. Поскольку даже неуп-

35 Подобные обвинения звучали в связи с нападениями на мост в ущелье Грделица, на колонну в Дзякокиче, на тюрьмы в Дубраве и Корише. См., например, Human Rights Watch, «Civilian deaths in the NATO air campaign,» February 2000, имеется на сайте www.hrw.org/reports/2000/nato/index.htm#TopOfPag (последнее посещение 22 августа 2005 г.); Amnesty International, «'Collateral damage' or unlawful killings? Violations of the laws of war by NATO during Operation Allied Force,» June 2000, имеется на сайте www.amnesty.org/ailib/intcam/kosovo/docs/natorep_all.doc (последнее посещение 22 августа 2005 г.).

36 *Off Target, op. cit.* (примечание 9).

37 *Advisory Opinion on the Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, ICJ Reports 1996*, para 78.

38 Этот пример приводится в официальном комментарии МККК к Дополнительному протоколу I: Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, Yves Sandoz, Christophe Swinarski and Bruno Zimmermann (eds.), ICRC, Geneva, 1987, para 1958, (далее – *Комментарий*).

39 ЕВО Brief, *op. cit.* (примечание 20). В качестве другого примера можно рассмотреть операцию «Кобра» (прорыв в Нормандии), в ходе которой военно-воздушные силы США сбросили на одну германскую дивизию 14 600 бомб по 225 кг, уничтожив 66 танков и 11 крупнокалиберных орудий. В ходе операции «Буря в пустыне» США применили 9 800

руляемые современные бомбы имеют круговое вероятное отклонение, составляющее лишь незначительную долю от этой цифры, сегодня система оружия, имеющая круговое вероятное отклонение больше, чем в 900 м, безусловно считается неизбирательной. С возрастанием точности толкование формулировки статьи 51, пункт 4, «которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты» будет еще более жестким.

Соразмерность

Вторая важная сфера международного гуманитарного права, которую может затронуть все более широкое распространение высокоточной войны, – пропорциональность. Этот принцип, закрепленный в статьях 51, пункт 5(b), и 57, пункт 2(a)(iii) Дополнительного протокола I и бесспорно принадлежащий обычному международному гуманитарному праву, запрещает в качестве неизбирательного нападение, которое, «как можно ожидать, вызовет случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и нанесет случайный ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить»⁴⁰. Нарушение представляет собой военное преступление согласно Статуту Международного уголовного суда⁴¹. Важно понимать, что принцип соразмерности налагает ограничения на нападения, и это дополняет принцип, позволяющий нападать лишь на комбатантов и военные цели.

Принцип соразмерности часто применяется неверно. Например, в некоторых случаях критики осуждают удар как несоизмеримый, исходя из чисто количественных показателей побочного ущерба и случайных поражений. Однако степень ущерба и вреда должна определяться только в соотношении с военным преимуществом, ожидать

высокоточных управляемых боеприпасов, уничтожив 2 500 танков, крупнокалиберных артиллерийских орудий и бронетранспортеров – соотношение между числом бомб и количеством уничтоженной техники в 50 раз превышает эту пропорцию во время операции «Кобра». Robert A. Pape, «Hit or miss: What precision air weapons do precisely,» *Foreign Affairs*, September/October 2004, p. 163.

40 *CIHL, op. cit.* (note 29), Rule 14; *Nuclear Weapons case, op. cit.* (примечание 37), at 587 (Dissenting opinion of Judge Higgins). В статье 57(2)(a)(iii) & (b) данный запрет воспроизводится в контексте принятия мер предосторожности при нападении.

41 Статут Международного уголовного суда, *op. cit.* (примечание 34), ст. 8(2)(b)(iv). Статут заменяет определение «чрезмерный» на формулировку «явно несоизмерим» и дополняет выражение «военное превосходство» прилагательным «общее», подчеркивая тем самым как требование ясности, так и необходимость избегать полностью изолированной оценки отдельных нападений.

которого в результате нападения имеются разумные основания. Критерием является чрезмерность (сравнительная категория), а не «масштабы» (абсолютное понятие).

Помимо случаев неверного применения принципа, имеются трудности в толковании – и теоретического, и практического характера. На чем основывается уверенность в том, что наступят побочный ущерб и случайные поражения, и, значит, их было «можно ожидать»? Что означает в реальности выражение «конкретный и непосредственно ожидаемый»? Насколько «военным» должно быть преимущество, чтобы считаться с ним? А главное, как сравнивать несхожие ценности (ущерб для гражданских лиц и объектов и военную пользу) вообще, не говоря уже о том, чтобы сравнивать их во времени в различных боевых ситуациях и культурах?

Точность связана с этими неизбежными вопросами настолько, насколько она повышает или снижает вероятность ущерба, влияя тем самым на расчет соразмерности (как ее ни толковали). Побочный ущерб и случайные поражения обусловлены различными факторами: неполные или неверные представления о цели, неспособность предвидеть, сколько гражданских лиц пострадает, недостаточная меткость, неспособность точно измерить применяемую силу, чтобы ограничить ее лишь необходимым объемом, а также нанесение повторных ударов по цели из-за невозможности достоверно определить, в достаточной ли степени она нейтрализована. Точность улучшает «качество» нападения во всех этих отношениях. Информационно-поисковая система, от которой зависит точность, позволяет иметь более точные знания о цели, знать возможные последствия удара для гражданского населения и определить необходимость повторного удара. Меткость как составная часть точности несомненно способствует надежному попаданию в цель, и, как уже отмечалось, чем более точным является удар, тем меньше боеприпасов понадобится для достижения желаемого вероятного ущерба. Наконец, чем выше точность удара, тем вероятнее достижение предполагаемого военного преимущества. Это до некоторой степени снижает неопределенность расчетов соразмерности. Так что, строго говоря, хотя между точностью и принципом соразмерности в правовом плане нет прямой связи, на деле они реально связаны.

Кроме того, сравнение несхожих ценностей требует субъективных оценок. На практике, а не в праве, на субъективное понимание чрезмерности влияют имеющиеся возможности в области точности. Другими словами, чем очевиднее возможность избежать побочного ущерба и случайных поражений, тем жестче будет оценка нападения,

как со стороны своих сил, так и сил противника. Например, во время операции «Свобода Ирака» осуществлялось компьютерное моделирование, «чтобы определить оружие, взрыватель, угол атаки и время суток, обеспечивающие максимальное поражение цели при минимальных потерях среди гражданского населения»⁴². Когда потери среди гражданских лиц по расчетам на модели превышали 30 человек, боевая задача должна была утверждаться министром обороны⁴³. Хотя не существует правовых требований об одобрении на высоком уровне при возрастании побочного ущерба или случайных поражений, Соединенные Штаты признали, что возможности их вооруженных сил в области точности означают, что страну будут сурово судить за причинение вреда гражданским лицам и их собственности.

Проблема, косвенным образом связанная с соразмерностью и точностью, – это использование гражданских лиц и объектов в качестве щита. Такая практика известна под названием «противодействие наведению»⁴⁴. Во время операции «Свобода Ирака» иракские военные заставляли гражданских лиц, в том числе женщин и детей, действовать в качестве живых щитов. Помимо этого, они пользовались присутствием гражданских лиц, например, когда перевозили военный транспорт

42 *Off Target, op. cit.* (примечание 9), p. 19.

43 Bradley Graham, «US moved early for air supremacy», *Washington Post*, 20 July, 2003, p. 26. Было поражено 20 таких целей. *Off Target, op. cit.* (примечание 9), at 20. По мнению организации «Хьюмэн Райтс Вотч», такая подготовка «сработала» в большинстве случаев и «воздушные бомбардировки вызвали минимум побочных последствий для гражданского населения»; *ibid.*

44 Противодействие наведению – это «предотвращение или снижение эффективности обнаружения, описания, разрушения и оценки при нанесении удара». Saddam's use of human shields and deceptive sanctuaries: Special briefing for the Pentagon Press Corps,» 26 February 2003, имеется на сайте www.defenselink.mil/news/Feb2003/g030226-D-9085M.html (последнее посещение 22 августа 2005 г.).

45 Todd S. Purdum, «Night time ambush in Iraqi city», *New York Times*, 5 April 2003, p. 1; Dexter Filkins, «In the field choosing targets: Iraqi fighters or civilians? Hard decision for copters», *New York Times*, 31 March 2003, p. 5. Для противодействия наведению использовались также гражданские объекты. Иракские силы размещали военную технику и войска в гражданских зданиях, в том числе находящихся под защитой, или рядом с ними. В частности, в качестве военных баз использовались хирургический госпиталь в Аль-Насриях, родильный дом Багдадского Красного Полумесяца, мечеть имама Али в Аль-Наджафе и мечеть Абу Ханифа. *Off Target, op. cit.* (примечание 9), pp. 72–73. Во время битвы за Фаллуджу повстанцы использовали таким образом 60 из 100 мечетей и 3 медицинских учреждения города. Marine Expeditionary Force & Multi-National Corps-Iraq, «Telling the Fallujah story to the world», Briefing Slides, 20 November 2004 (имеется у автора). Хотя в МПП не содержится явной формулировки, запрещающей использовать гражданские объекты в качестве щитов, такие действия нарушают статью 58 Дополнительного протокола I, согласно которой стороны в конфликте стремятся «удалить гражданское население, отдельных гражданских лиц и гражданские объекты, находящиеся под их контролем, из районов, расположенных вблизи от военных объектов (...); избегают размещения военных объектов в густонаселенных районах или вблизи от них (...); принимают другие необходимые меры предосторожности для защиты гражданского населения, отдельных гражданских лиц и гражданских объектов, находящихся под их контролем, от опасностей, возникающих в результате военных операций»,

рядом с гражданским при появлении вертолетов коалиции⁴⁵. Означает ли тот факт, что, когда противник нарушает нормы международного гуманитарного права, то нападающий не обязан при расчетах соразмерности учитывать вероятность живых щитов?⁴⁶ Тогда можно наводить на цель оружие меньшей точности, чем та, при которой ущерб, нанесенный живым щитам, учитывается в качестве случайных ранений.

Ответ зависит от того, используются ли щиты добровольно или недобровольно⁴⁷. Добровольные человеческие щиты формируются людьми, которые напрямую участвуют в боевых действиях, пытаясь оборонять реальную военную цель. Ведь с практической точки зрения они могут служить более эффективным средством обороны, чем оружие. Высокотехнологичные войска способны легко противостоять наземной обороне, но немногие демократические государства могут смириться с негативным политическим эффектом от прямой международной трансляции о гибели гражданских лиц. Как гласит статья 51, пункт 3, Дополнительного протокола I, международное гуманитарное право защищает гражданских лиц от нападения – за исключением случаев, когда они принимают участие в военных действиях, и в течение

хотя и лишь «в максимальной практически возможной степени». См. также *CIHL, op. cit.* (примечание 29), ch. 6. Использование иракскими силами объектов, находящихся под особой защитой, также было явным нарушением других положений МГП. Статья 19 Женевской конвенции I устанавливает, что «соответствующие власти позаботятся о том, чтобы вышеуказанные санитарные учреждения и формирования были размещены, насколько возможно, таким образом, чтобы они не подвергались опасности в случае нападения на военные объекты». *Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним*. Москва, МККК, 2005 (далее – ЖК I). Формулировка Дополнительного протокола I совершенно недвусмысленна: в его статье 12.4 устанавливается, что «ни при каких обстоятельствах медицинские формирования не должны использоваться для попытки прикрыть военные объекты от нападения», а статья 53(b) предоставляет такую же защиту «историческим памятникам, произведениям искусства или местам отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов», там же. См. также Гагское положение о законах и обычаях сухопутной войны, которое является приложением к IV Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., ст. 27. «Международное право. Ведение военных действий. Сборник Гагских конвенций и иных международных документов. Москва, МККК, 2004 (далее – IV ГК(II)).

46 Статья 51(7) ДПП запрещает использовать «присутствие или передвижение гражданского населения или отдельных гражданских лиц... для защиты определенных пунктов или районов от военных действий, в частности, в попытках защитить военные объекты от нападения или прикрыть военные действия, содействовать или препятствовать им». Этот запрет, безусловно, относится к обычному праву. Об обычной природе этого запрета см. *CIHL, op. cit.* (примечание 29), Rule 97. См. также Статут МУС, *op. cit.* (примечание 34), статья 8.2(b)(xxiii).

47 См. на эту тему Michael N. Schmitt, «Targeting and humanitarian law: Current issues,» *Israel Yearbook on Human Rights*, Vol. 59, 2003, p. 59.

всего периода времени, когда они воздерживаются от такого участия⁴⁸. Было бы нелепо предполагать, что можно наносить по ним прямой удар, но при этом учитывать их при соображениях о соразмерности. Поэтому в подобных случаях применение менее точных систем оружия, вызывающих больше случайных поражений, было бы оправдано, если только не квалифицировать добровольные щиты в качестве покровительствуемых гражданских лиц.

С другой стороны, если гражданских лиц принудили действовать в качестве щита или если противник намеренно пользуется близостью гражданских объектов, чтобы оградить себя от нападения, гражданские лица и объекты по-прежнему находятся под защитой и по-прежнему должны учитываться при анализе соразмерности. Статья 51, пункт 8, Дополнительного протокола I непосредственно касается этого вопроса: «Любое нарушение этих запретов [включая запрет на использование прикрытий] не освобождает стороны, находящиеся в конфликте, от их правовых обязательств по отношению к гражданскому населению и гражданским лицам...» Ряд государств, в том числе Соединенные Штаты, основываются на этом принципе в руководстве своими вооруженными силами⁴⁹.

Меры предосторожности, принимаемые в ходе нападения

Меры предосторожности, принимаемые в ходе нападения, – это та область, в которой точность имеет непосредственную правовую значимость. Статья 57 Дополнительного протокола I устанавливает следующие правовые предписания:

48 См. на эту тему Michael N. Schmitt, «Humanitarian law and direct participation in hostilities by private contractors or civilian employees,» *Chicago Journal of International Law*, Vol. 5, 2005, p. 511; Michael N. Schmitt, «'Direct participation in hostilities' and 21st century armed conflict,» in Horst Fischer et. al. (eds.), *Crisis Management and Humanitarian Protection: Festschrift für Dieter Fleck*, Berlin, 2004, pp. 505–529.

49 Согласно Уставу военно-воздушных сил США *Air Force Operations and the Law*, «нормы поведения должны быть одинаково применимы к нападению и обороне. Иными словами, обязанность сводить к минимуму побочное поражение среди гражданского населения, не принимающего непосредственного участия в военных усилиях, в равной степени относится к нападению и к обороне; государство, которое использует свое гражданское население для прикрытия собственных вооруженных сил, нарушает законы войны, подвергая опасности гражданских лиц, за которыми оно скрывается... Однако в то же время как нападающие, так и военные юристы должны анализировать необходимость нанесения удара по конкретной цели, ожидаемые от этого результаты и ожидаемый побочный ущерб, а также то, как по возможности свести к минимуму потери среди гражданского населения». *Air Force Operations and the Law*, Department of the Air Force, Judge Advocate General's Department, 2002, p. 293. См. также на эту тему работу «Joint doctrine for targeting,» *op. cit.* (примечание 4), at A-2 – A-3, and USAF «Intelligence targeting guide,» *op. cit.* (примечание 24), at A4.2.1.2.

«2. В отношении нападений принимаются следующие меры предосторожности:

(а) те, кто планирует нападение или принимает решение о его осуществлении:

i) делают все практически возможное, чтобы удостовериться в том, что объекты нападения не являются ни гражданскими лицами, ни гражданскими объектами и не подлежат особой защите, а являются военными объектами в значении статьи 52, пункт 2, и что в соответствии с положениями настоящего Протокола не запрещается нападение на них;

ii) принимают все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения, с тем чтобы избежать случайных потерь жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и случайного ущерба гражданским объектам и, во всяком случае, свести их к минимуму;

iii) воздерживаются от принятия решений об осуществлении любого нападения, которое, как можно ожидать, вызовет случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и нанесет случайный ущерб гражданским объектам, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерными по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить;

(...)

3. Когда возможен выбор между несколькими военными объектами для получения равноценного военного преимущества, избирается тот объект, нападение на который, как можно ожидать, создаст наименьшую опасность для жизни гражданских лиц и для гражданских объектов».

Заметим, что формулировки являются контекстуальными: «все практически возможное», «все практически возможные меры», «как можно ожидать», «становится очевидным», «за исключением тех случаев, когда обстоятельства этого не позволяют». От имеющейся у нападающего технологии зависит, является ли действие практически возможным, ожидаемым на разумных основаниях или очевидным, а также существует ли выбор. Иными словами, воюющие стороны несут различное правовое бремя принятия необходимых мер предосторожности, что обуслов-

лено имеющейся у них высокоточной техникой. Этот факт МККК подчеркнул в своем официальном комментарии к данной статье⁵⁰.

Это ставит точку в решении вопроса о том, должны ли государства приобретать высокоточные системы – как информационно-поисковые, так и системы вооружений, – которые позволяют осуществлять высокоточные нападения. Ответ отрицательный. Хотя можно говорить о моральном обязательстве государства закупать высокоточные технологии в рамках его финансовых возможностей, станет оно делать это или нет – вопрос национальной политики, хотя благодаря доступной по стоимости технологии можно избежать больших потерь среди гражданских лиц и широкомасштабного повреждения гражданских объектов. Единственное, чем ограничивается свобода выбора государства в приобретении оружия, – это запрет на использование оружия, неизбирательного по своей сути⁵¹.

Что касается конкретных обязательств по принятию мер предосторожности в ходе нападения, то практическая осуществимость точного определения цели зависит от разведывательно-навигационной системы, которая, как указывалось выше, определяет возможности в области точности. Некоторые государства (и такие организации, как НАТО) располагают обширными разведывательно-навигационными ресурсами. Должны ли они применять все эти ресурсы до совершения нападения? Например, если можно создать изображение потенциальной цели с помощью спутника, то следует ли нападающему приобретать технику для осуществления спутниковой разведки?

Необязательно. В комментарии МККК к данному положению говорится, что толкование нормы должно быть «вопросом здравого смысла и добросовестности». Лицо, готовящее нападение, должно принять вовремя все необходимые меры по идентификации, чтобы пощадить население, насколько это возможно⁵². Это объяснение подтверждает и аутентичный французский текст: «Tout ce qui est pratiquement possible». Такой же позиции придерживается Великобритания в своем заявлении, сделанном в связи с ратификацией Протокола I: «Военные командиры и другие лица, ответственные за планирование нападений, принятие решений по нападениям и их выполнение, обязаны принимать решения на основании сделанного ими анализа информации, со-

50 «Некоторые воюющие могут иметь информацию благодаря современным средствам разведки, тогда как другие воюющие могут не иметь подобной техники». *Commentary, op. cit.* (примечание 38), para. 2199.

51 Эта норма, как уже отмечалось, формируется по мере совершенствования высокоточных технологий.

52 *Commentary, op. cit.* (примечание 38), para. 2198.

бранной из всех источников и реально доступной им в соответствующий период времени»⁵³.

Как и многие другие положения гуманитарного права, норма, содержащаяся в статье 57, пункт 2 (а)(i), является контекстуальной. Другими словами, каково будет разумное решение нападающего в таких же или сходных обстоятельствах? Факторы, влияющие на принятие решений, должны включать и время, необходимое для сбора и обработки дополнительных сведений, и способность собранных сведений устранить в той или иной степени какие-либо неясности, и различные требования к данной разведывательно-навигационной системе, а также риск для нее и ее операторов.

В комментарии особо упоминается высокоточная война, когда речь идет о требовании принять все практически осуществимые меры предосторожности при выборе методов (тактики) или средств (систем оружия) ведения войны⁵⁴. Что касается принятия всех практически возможных мер с целью точного опознавания цели, то требование прибегнуть к высокоточному нападению не является абсолютным, даже тогда, когда такое нападение непосредственно доступно командиру и может уменьшить побочный ущерб и случайные ранения. Не имеется, например, оснований для заявлений о «возникновении обычной нормы об использовании высокоточного оружия в городских условиях»⁵⁵ или о том, что государства, имеющие высокоточное оружие, всегда должны были его использовать⁵⁶.

Напротив, превалировать должны «здравый смысл и добросовестность». Прежде чем принять решение о том, какое оружие применять при конкретных ударах, разумный командир оценивает имеющееся у него оружие с учетом вероятной продолжительности и интенсивности конфликта. В то же время командир будет сравнивать выигрыш

53 United Kingdom, Reservations and Declaration Made on Ratification, Corrected Letter of 18 June 1998, para. I (c), reprinted in Schindler, *op. cit.* (примечание 1), pp. 815–816.

54 *Commentary, op. cit.* (примечание 38), para. 2200.

55 Stuart W. Belt, «Missiles over Kosovo: Emergence, *lex lata*, of a customary norm requiring the use of precision munitions in urban areas,» *Naval Law Review*, Vol. 47, 2000, p. 174. Интересно отметить, что, по нынешнему мнению автора, Стюарт Белт неверно применяет право международного вооруженного конфликта, и это подводит его к неверному правовому принципу. Он утверждает, что данное обязательство применяется в контексте принципа соразмерности, тогда как более целесообразно исходить из того, что, если такое обязательство существует (а оно не существует), оно должно вытекать из обязательства, касающихся выбора средств ведения войны (меры предосторожности в ходе нападения).

56 См. аргументы против такой концепции у Danielle L. Infeld: «Высокоточное управляемое оружие показало свою исключительную меткость в ходе операции «Буря в пустыне». Но обязано ли государство использовать высокоточные технологии, чтобы свести к минимуму побочные ущерб и ранения среди гражданского населения?» *George Washington Journal of International Law and Economics*, Vol. 26, 1992, p. 109.

в смысле точности при различных возможных вариантах. Например, при прочих равных параметрах высокоточные управляемые бомбы «Joint Direct Attack Munitions» несколько уступают в меткости лазерным боеприпасам. Однако они более широко распространены. Поэтому командир будет применять боеприпасы с лазерной системой наведения только в таких нападениях, где они могут существенно снизить побочный ущерб или случайное поражение, особенно если неизвестно, сколько продлится конфликт. Это, возможно, будет более гуманно. Например, если ожидаются боевые действия в населенных пунктах, имеет смысл применять наиболее точное оружие в условиях города, где военные цели располагаются вперемешку с гражданскими лицами и объектами.

Наконец, можно ли, принимая решение о выборе оружия, руководствоваться соображениями стоимости? Иными словами, могут ли соображения о дополнительных расходах в какой-то момент возобладавать над относительным уменьшением побочного ущерба и случайных поражений настолько, что использование более дорогого высокоточного оружия перестанет быть «практически осуществимым»? Международное гуманитарное право не дает оснований для сопоставления расходов и практической осуществимости. Если воюющая сторона закупила технику и передала ее войскам, то эта техника должна использоваться при условии, что это возможно, целесообразно с военной точки зрения и сведет к минимуму последствия для гражданских лиц и объектов.

При выборе тактики (методов) нападения также следует руководствоваться здравым смыслом. Однако суть разногласий в этом отношении связана с мерами, принимаемыми в защиту нападающих сил. Например, некоторые считают, что случайного нападения на колонну албанских беженцев в ходе операции «Объединенная сила» и бомбардировки обозначенных эмблемой складов МККК в Афганистане можно было избежать, если бы пилоты летели так низко, чтобы видеть цели⁵⁷.

Оценивая военное преимущество от нападения с точки зрения соразмерности, следует учитывать значимость сохранения жизней личного состава и боевой техники. В конце концов при потерях личного состава или техники преимущество от нападения меньше, чем если они уцелеют и смогут вновь участвовать в боевых действиях. Но здесь вопрос в другом. Может ли нападающий для повышения без-

57 Например, «Хьюман Райтс Уотч» в отношении инцидента на дороге в Джяковицу заключила, что поскольку «из-за большой высоты пилот не смог адекватно определить цель», «не были приняты адекватные меры предосторожности, чтобы избежать потерь среди гражданского населения». «Civilian deaths,» *op. cit.* (примечание 35).

опасности своих сил использовать такую тактику, как нападение на объект, находящийся вне поля зрения, или запуск оружия с большой высоты, если тем самым он повышает вероятность побочного ущерба и случайных ранений?

Некоторые государства в целом признали такую возможность. Например, Великобритания в своем заявлении по ратификации Дополнительного протокола I отметила, что практическая осуществимость – «это то, что практически выполнимо или практически возможно, с учетом всех обстоятельств, действующих в данный период времени, в том числе гуманитарных и военных соображений»⁵⁸. Это разумный подход. Хотя явного правового требования о том, чтобы личный состав подвергал риску себя или своих подчиненных во избежание нанесения ущерба гражданским лицам или гражданскому имуществу, не существует, также не имеется разрешения при разработке тактики не учитывать последствий для гражданского населения. Практическая осуществимость скорее должна толковаться как баланс между гуманитарными и военными соображениями. Можно требовать от вооруженных сил, чтобы они пошли на определенный риск, чтобы избежать побочного ущерба или случайных поражений. Они делают это регулярно. Исходя из этой логики, чем выше предполагаемые побочный ущерб и случайные поражения, тем большего разумного риска можно от них требовать.

А.П.В. Роджерс комментирует это положение с мудростью опытного офицера:

«Закон не требует, чтобы в ходе вооруженного конфликта не было потерь. Однако закон, политическая целесообразность и общественное мнение в совокупности требуют, чтобы потери, будь то среди личного состава вооруженных сил или среди гражданского населения, были сведены к такому минимуму, какого только допускают требования вооруженного конфликта»⁵⁹.

Как это часто бывает в вопросах международного гуманитарного права, здесь главенствует неточное правило здравого смысла.

И, наконец, точность значительно влияет на положение статьи 57, где содержится требование о выборе из всех возможных целей,

58 Declaration, *op. cit.* (примечание 53), para. 1 (b). Однако в *Комментарии* МККК, напротив, отрицается, что вклад в «военный успех» является компонентом практической осуществимости, такое толкование объявляется «чересчур широким» и выражается озабоченность тем, что «ссылки на успех... могут привести к пренебрежению гуманитарными обязательствами, предписанными здесь». *Commentary, op. cit.* (примечание 38), para. 2198 (в контексте проверки целей).

59 A.P.V. Rogers, *Law on the Battlefield*, Manchester University Press, Manchester and New York, 2nd ed., 2004, p. 108.

дающих сходное военное преимущество, той, что вызовет наименьшие побочный ущерб и случайные поражения⁶⁰. Высокоточная война открывает новые возможности для нападения на самые различные цели, благодаря как лучшей идентификации цели, так и уменьшению побочного ущерба и случайных поражений в результате нападения. Особое значение имеет тот факт, что это происходит в то время, когда моделирование применения высокоточного оружия позволяет при планировании операции более четко вычислить побочный ущерб и случайные поражения. Новые технологии расширяют круг доступных для удара целей, и в то же время исключают соответствующие последствия для гражданских лиц и объектов.

Вероломство и статус, дающий право на защиту

И, наконец, высокоточная война создала беспрецедентную асимметрию на поле боя. Сегодня низкотехнологичные силы с трудом могут уцелеть перед лицом противника, вооруженного современными разведывательно-навигационными системами С4 и оружием, не говоря уже об оказании ему сопротивления. Определить местонахождение войск и техники, точно опознать и метко прицелиться в них на обычном поле боя сильному противнику гораздо проще, чем им. Такая асимметрия в области точности заставляет более слабого противника принимать столь же асимметричные ответные меры.

Более слабые вооруженные силы все чаще прибегают к тактике злоупотребления той защитой, которая полагается гражданским лицам и объектам. Некоторые виды тактики лишь подвергают опасности гражданских лиц; другие же представляют собой неприкрытые нарушения международного гуманитарного права. Ирак, к несчастью, оказался лабораторией для разработки такой тактики.

Один из наиболее распространенных приемов – ношение гражданской одежды с целью не быть принятым за комбатанта и избежать нападения. Отказаться от военной формы – не значит нарушить международное гуманитарное право. Однако те, кто это делает, теряют

⁶⁰ В комментарии говорится, что это положение было принято на Конференции «без большой дискуссии». *Commentary, op. cit.* (примечание 38), para. 2226.

свой статус комбатанта⁶¹. Вследствие этого при захвате они не квалифицируются в качестве военнопленных⁶². Поскольку лишь комбатанты имеют право на непосредственное участие в военных действиях, то эти лица не обладают иммунитетом, в соответствии с внутригосударственным правом, от преследования за совершение определенных действий при участии в бою⁶³. Будучи законным по международному гуманитарному праву, ношение ими гражданской одежды затрудняет, как это и задумано, способность противника отличить их от гражданского населения, отчего он сильнее рискует совершить ошибочное нападение.

Иракские силы также часто симулировали статус, дающий право на защиту, чтобы не быть узанными, например, путем противоправного использования эмблемы. Они захватывали машины «скорой помощи», чтобы использовать их для разведки, и поместили на здание

61 Соответствующие положения статьи 4А Женевской конвенции III распространяют статус комбатанта на следующие категории лиц:

«1. Личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, а также личный состав ополчения и добровольческих отрядов, входящих в состав этих вооруженных сил.

2. Личный состав других ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на их собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована, если эти ополчения и добровольческие отряды, включая организованные движения сопротивления, отвечают нижеследующим условиям:

а) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;

б) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак;

с) открыто носят оружие;

д) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.» «Женевская конвенция об обращении с военнопленными, 12 августа 1949 г., *Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним*. Москва, МККК, 2005.

Эти четыре условия являются неотъемлемой частью понятия «вооруженные силы»; они также применяются к лицам, на которых имеется ссылка в статье 4А(1). Как отмечали Михель Боте и другие, «по общепринятому мнению, на Брюссельской конференции 1874 г. и Гаагских мирных конференциях 1899 г. и 1907 г. эти условия считались неотъемлемыми для регулярных вооруженных сил государств. Поэтому формулировать их в Конвенциях сочли излишним и ненужным». Michael Bothe *et al.*, *New Rules for Victims of Armed Conflict*, Martinus Nijhoff Publishers, The Hague/Boston/London, 1982, p. 234. См. также на эту тему *CIHL, op. cit.* (примечание 29), 15.

62 Поскольку нападение на противника не является военным преступлением, оно может квалифицироваться как уголовное преступление (например, убийство) согласно национальному законодательству захватившей в плен стороны. Поскольку у таких лиц нет иммунитета, их будут преследовать в судебном порядке в судах любого государства, обладающего юрисдикцией в отношении этого деяния и персональной юрисдикцией в отношении преступника. Это отражено в *CIHL, op.cit.* (примечание 29), Rule 106.

63 «Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте (кроме медицинского и духовного персонала, о котором говорится в статье 33 третьей Конвенции), являются комбатантами, то есть они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях». ДП I, *op. cit.* (примечание 1), статья 43(2). См. классическую статью по этому вопросу: Richard R. Baxter, «So-called 'unprivileged belligerency': Spies, guerrillas and saboteurs,» *British Yearbook of International Law*, 1952, p. 323, reprinted in *Military Law Review*, Bicentennial Issue, p. 487.

партии «Баас» эмблему МККК⁶⁴. Использование не по назначению отличительных эмблем медицинского и религиозного персонала, транспорта, частей и подразделений, или персонала, собственности и деятельности Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца давно считается нарушением международного гуманитарного права⁶⁵. Кроме того, иракские силы регулярно прибегали к описанной здесь практике использования людей и гражданских объектов в качестве прикryтия, чтобы не допустить высокоточных нападений.

На войне при нападении на противника, располагающего передовыми высокоточными технологиями, приходится подвергать себя большому риску. В Ираке в этих целях применяется тактика, основанная на вероломстве. Статья 37 Дополнительного протокола I следующим образом определяет вероломство:

«1. Запрещается убивать, наносить ранения или брать в плен противника, прибегая к вероломству. Вероломством считаются действия, направленные на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он имеет право на защиту или обязан предоставить такую защиту согласно нормам международного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, с целью обмана такого доверия. Примерами вероломства являются следующие действия:

- а) симулирование намерения вести переговоры под флагом перемирия или симулирование капитуляции;
- б) симулирование выхода из строя вследствие ранений или болезни;
- в) симулирование обладания статусом гражданского лица или некомбатанта; и
- д) симулирование обладания статусом, предоставляющим защиту, путем использования знаков, эмблем или форменной одежды Организации Объединенных Наций, нейтральных государств или дру-

64 Резиденции партий постоянно использовались как склады боеприпасов и сборные пункты. *Off Target, op. cit.* (примечание 9), p. 70.

65 Этот запрет восходит к Кодексу Либера 1863 г., затем воспроизводится в Гаагских положениях 1899 и 1907 г., в Женевских конвенциях 1906, 1929 и 1949 г. и в I Дополнительном протоколе к ним. См. Instructions for the Government of Armies of the United States in the Field (Lieber Code), promulgated as General Orders No. 100, US Department of the Army, Art. 117, reprinted in Schindler, *op. cit.* (note 1), p. 3; Convention (II) with Respect to the Laws and Customs of War on Land, with annexed Regulations, of 29 July 1899, Art. 23(f), *ibid.*, p. 55; IV ГК, *op. cit.* (примечание 45), ст. 23 (f); Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field, 6 July 1906, Arts. 27–28, reprinted in Schindler, *op. cit.* (примечание 1), p. 385; Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded in Armies in the Field, 27 July 1929, Arts. 24&28, *ibid.*, p. 409; ЖК I, *op. cit.* (примечание 45), статьи 39, 44, 53, 54; Конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, 12 августа 1949 г., Москва, МККК, 2005 г., статьи 41, 44, 45. ДП I, *ibid.*, (примечание 1), статья 38, пункт 1.

гих государств, не являющихся сторонами, находящимися в конфликте»⁶⁶.

Как отмечалось выше, иракские силы воевали в гражданской одежде, чтобы их невозможно было опознать и уничтожить. Законная сама по себе симуляция статуса гражданских лиц была частью тактики, направленной на приближение к силам коалиции и нападение на них, и в таком качестве представляла собой вероломство. Террористы-смертники также подпадают под эту категорию, поскольку именно их гражданский облик дает им возможность приблизиться к жертвам настолько, чтобы нанести смертельный удар⁶⁷. Другие вероломные действия во время операции «Свобода Ирака» включали симуляцию сдачи в плен и использование угнанных машин «скорой помощи» в надежде на то, что силы коалиции ослабят свою бдительность и станут более уязвимы для нападения⁶⁸.

В конечном счете преимущество, которое дают высокоточные технологии, может быть столь разрушительным для слабого противника, что последний в результате такой асимметрии может при нападении перенести центр тяжести с военных сил противника на другие объекты⁶⁹. Трагические события в Ираке и других странах показали, что вероятность использования гражданских лиц и объектов в качестве военной цели очень высока, поскольку защитить их от противника, решившего нанести по ним удар, практически невозможно⁷⁰. Нападе-

66 См. также Гаагское положение 1907 г., запрещающее «незаконно пользоваться парламентским или национальным флагом, военными знаками и форменной одеждой неприятеля, равно как и отличительными знаками, установленными Женевской конвенцией». Сегодня эта норма, безусловно, составляет часть обычного права. IV ГК(II), *op. cit.* (примечание 45), статья 23(e). *ICHL, op. cit.* (примечание 29), ch. 18; International Military Tribunal (Nuremberg), Judgment and Sentences, 1946, *American Journal of International Law*, Vol. 41, 1947, p. 218. Ссылка относится к Женевской конвенции 1864 г. – Конвенция об улучшении участи раненых в действующих армиях, Лист Ф. *Международное право в систематическом изложении*. Юрьев, 1912.

67 Сюда включаются и террористы из числа гражданских лиц, носившие гражданскую одежду, чтобы иметь возможность привести в действие взрывное устройство на очень близком расстоянии от жертв.

68 См., например, Glenn Collins, «Allied advances, tougher Iraqi resistance, and a hunt in the Tigris,» *New York Times*, 24 March 2003, p. 1; Brian Knowlton, «Bush tells of 'good progress' but says war has just begun,» *International Herald Tribune*, 24 March 2003, p. 6. Специальный запрет на вышеназванные действия содержится в ДП I, статья 37 (1a).

69 Центры тяжести характеризуются «теми свойствами, возможностями или источниками силы, из которых военные силы черпают свободу действий, физическую силу или волю к сражению». DoD Dictionary, *op. cit.* (примечание 8).

70 Нападение на гражданских лиц может осуществляться с различными целями: разрушить коалицию, как это было при нападении Ирака на израильские города в 1991 г.; запугать неправительственные и межправительственные организации, как при нападениях на штаб-квартиры ООН и МККК в Ираке; заставить воюющие государства и их граждан непомерно дорого заплатить за конфликт, как при похищении, взятии в заложники и убийстве иностранцев; а также использовать в качестве военной цели собственное население, чтобы не допустить сотрудничества с противником, как при нападениях на персонал иракских сил безопасности, правоохранительных и судебных органов.

ние на такие уязвимые цели является вполне логичным, хотя и чудовищным, действием, предпринимаемым в целях компенсировать свою военную слабость, однако тем не менее является очевидным и непростительным нарушением самого основного принципа международного гуманитарного права – принципа различия. Основные запреты содержатся в статьях 48, 51 и 52 Дополнительного протокола I:

Статья 48: «Для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и соответственно направлять свои действия только против военных объектов».

Статья 51, пункт 2: «Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население».

Статья 52, пункт 1: «Гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий».

Несомненно, эти нормы имеют обычный характер, и Международный суд определил, что различие – «кардинальный» принцип международного гуманитарного права⁷¹.

Заключение

Вне всякого сомнения, высокоточные операции открыли новые возможности для того, чтобы избежать ущерба, который неизбежно наносится гражданским лицам в результате вооруженного конфликта. В этом смысле прогресс в области высокоточных технологий представляет собой положительную тенденцию. Кроме того, по мере возрастания точности оружия в толковании норм международного гуманитарного права предъявляются все более жесткие требования к нападающим. Это также положительная тенденция, если только такое толкование не содержит в себе отход от права или игнорирование военной необходимости.

Однако привлекательность высокоточных операций неизбежно порождает завышенные ожидания в отношении их возможностей. Например, те, кто не участвует в военных действиях, предъявляют нереальные требования к военным или требуют соблюдать нормы, которые

71 См., например, *CIHL, op. cit.* (примечание 29), ch. 2; *Nuclear Weapons case, op. cit.* (примечание 37), para. 78.

простираются за пределы договора или обычая. Все это ослабляет международное гуманитарное право. *Lex ferenda* следует четко отличать от *lex lata*. Чтобы международное гуманитарное право соблюдалось, в нем должен и далее поддерживаться разумный баланс между соображениями гуманитарного характера и военной необходимостью. Этот баланс может смещаться по мере изменений, происходящих в характере войны, но он должен лежать в основе международного гуманитарного права.

Наконец, все, кто связан с международным гуманитарным правом, не должны забывать тот факт, что, когда возможности воюющих сторон в области высокоточных технологий неравны, в результате возникающей асимметрии более уязвимая сторона может прибегать к тактике, представляющей собой нарушение основополагающих принципов международного гуманитарного права. Это не значит, что высокотехнологичные вооруженные силы должны отказаться от высокоточных технологий, чтобы сделать войну более гуманной. Очевидно, что подобные предположения абсурдны. Это скорее призыв к международному сообществу удвоить усилия в деле защиты принципов международного гуманитарного права, тогда как кто-то, вероятно, будет пытаться оправдать отход от этих принципов.